

УДК 314.372

*А.Г. ЗЛОТНИКОВ,
кандидат экономических наук, доцент,
заведующий кафедрой Белорусского
торгово-экономического университета
потребительской кооперации, г. Гомель*

СОВРЕМЕННЫЕ РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ

Постановка проблемы. С 2003 г. демографическая ситуация в Беларуси характеризуется ростом рождаемости. Белорусские политики оценивают это как результат проводимой в стране пронаталистской политики. Однако демографической ситуации в Беларуси по-прежнему присуще отрицательное сальдо естественного движения населения. Продолжается и сокращение общей численности ее населения. Современный уровень рождаемости в стране — один из низких в Европе. Это свидетельствует, что негативные процессы в рождаемости в Беларуси не преодолены. И потому так важно осуществление целостной и системной научно обоснованной демографической политики.

Анализ последних исследований. Изучение проблем рождаемости сегодня является важнейшим направлением научных исследований в Беларуси, России и Украине. В них сочетаются демографические, медицинские, экономические и социологические подходы. Рождаемость в Беларуси исследуют Л.П. Шахотько, А.А. Раков, Н.Н. Привалова. Активно ведут осмысление проблем рождаемости в Украине И.А. Курило, Э.М. Либанова, В.П. Пискунов, В.С. Стешенко, в России — А.И. Антонов, В.Н. Архангельский, А.Г. Вишнеvский, Т.А. Гурко, В.В. Елизаров, С.В. Захаров, М.В. Медков и др.

Целью работы является анализ тенденций дeмoвoспрoизвoдствa в Беларуси в рамках современных демографических концепций.

Изложение основного материала. В последние годы в Беларуси наблюдается рост рождаемости с 8,9‰ в 2002 г. до 11,1‰ в 2008 г. Властными структурами и политиками это оценивается как поворот в преодолении негативных демографических тенденций, как результат реализации демографических программ. Хотя рост рождаемости очевиден, но говорить о существенном улучшении ситуации преждевременно. Всплеск рождаемости — следствие вступления в активный репродуктивный возраст поколения, родившегося в начале 1980-х годов, увеличения численности женщин возраста 20–29 лет, являющихся основной когортой этого роста рождаемости. На эту возрастную группу в Беларуси приходится две трети (68%) родившихся.

В 2002 г., когда был зафиксирован самый низкий в новом столетии показатель рождаемости 8,9‰, численность женщин в наиболее активном репродуктивном возрасте (20–29 лет) составляла 719,8 тыс. чел. К началу 2009 г. их численность уже достигла 790,5 тыс. чел. [5, с. 38]. А если учесть, что за указанный период численность населения Беларуси уменьшилась более чем на 225 тыс. чел., то «рост» общего коэффициента рождаемости в **относительных величинах** камуфлирует истинные демографические процессы.

Рост уровня рождаемости последних лет – явление не сугубо белорусское, что подтверждается и аналогичным ростом рождаемости в России и Украине. РФ в 2008 г. имела более высокий коэффициент рождаемости (12,1‰), чем Беларусь. В Украине, хотя темп роста рождаемости в 2000–2008 гг. оказался выше, нежели в Беларуси (табл. 1), но стал сопоставимым с белорусской рождаемостью (11,0‰). И это отражает связь роста рождаемости с увеличением численности женского населения активного репродуктивного возраста как результата роста рождаемости периода 1980-х годов, ибо демографическое развитие определяется взаимодействием совокупности многих социальных процессов и факторов, в том числе и тенденций прошлого [6].

Сравнение тенденций в уровнях рождаемости трех государств отражает этот рост и в Беларуси, и в России, и в Украине. Причем, в Украине и в России – самый высокий рост: в Украине – с 7,8‰ в 2000 г. до 11,0‰ в 2008 г., а в России – с 8,7‰ в 2000 г. до 12,1‰ в 2008 г. В Беларуси за текущее десятилетие прирост общего коэффициента рождаемости в сравнении с Россией и Украиной оказался ниже – с 9,4‰ в 2000 г. до 11,1‰ в 2008 г.

Таблица 1

Коэффициент рождаемости в Беларуси, России и Украине за 2000–2008 гг., ‰

Годы	Беларусь	в т.ч. Минск	Россия	в т.ч. Москва	Украина	в т.ч. Киев
2000	9,4	9,1	8,7	8,5	7,8	7,3
2001	9,2	9,0	9,1	8,8	7,8	7,4
2002	8,9	9,0	9,7	7,9	8,1	8,1
2003	9,0	9,0	10,1	8,4	8,5	8,8
2004	9,1	9,1	10,4	8,8	9,0	9,8
2005	9,3	9,3	10,2	8,9	9,0	9,8
2006	9,9	10,0	10,4	9,0	9,8	10,4
2007	10,7	10,8	11,3	9,7	10,2	10,4
2008	11,1	11,4	12,1	8,5	11,0	11,6

Источники: [2; 5, с. 119]

Второй аспект касается их столиц. В Москве некоторый рост в одном периоде сменяется последующим падением, затем – опять рост и снова – падение. В Киеве – постоянный и наиболее существенный рост (с 7,3‰ в 2000 г. до 11,6‰ в 2008 г.), а также самый высокий показатель уровня рождаемости среди трех столиц. В Минске также в целом наблюдается рост, однако белорусская столица по сравнению с украинской имеет меньшие темпы роста уровня рождаемости.

Сравнение тенденций уровня рождаемости трех столиц показывает, что Москва больше представляет интерес для бизнеса, чем для полноценной (в демографическом плане)

жизни. Киев и Минск, притягивая молодежь, предстают городами, которые создают условия и для жизни населения, и для его экономической деятельности. Одновременно эти тенденции характеризуют как сам человеческий потенциал этих государств, так и различие социально-экономических процессов в РФ, Беларуси и Украине.

Однако эйфории по поводу роста рождаемости за последние годы не может быть. Во-первых, коэффициент суммарной рождаемости не обеспечивает не только выход на расширенное демопроизводство, но даже и поддержание простого демопроизводства. Во-вторых, по сравнению с 2000 г. коэффициент суммарной рождаемости в Беларуси, в отличие от России и Украины, уменьшился. В 2000 г. в Беларуси были более высокие показатели суммарной рождаемости (табл. 2), хотя и они не обеспечивают простое демопроизводство.

Таблица 2

Коэффициент суммарной рождаемости в Беларуси, России и Украине за 2000–2008 гг.

Годы	Беларусь	Россия	Украина
2000	1,27	1,19	1,10
2001	1,22	1,22	1,08
2002	1,21	1,29	1,13
2003	1,21	1,32	1,17
2004	1,20	1,34	1,22
2005	1,20	1,29	1,23
2006	1,29	1,30	1,30
2007	1,37	1,41	1,33
2008	1,23	1,40	1,45

Источники: [2; 5, с. 163]

Для демографических перспектив важным является нетто-коэффициент воспроизводства. Как и в отношении суммарной рождаемости, нетто-коэффициент воспроизводства в начале ХХІ столетия в Беларуси был выше, чем в РФ и Украине. Ныне в Украине и России наблюдается более положительная тенденция, чем в Беларуси (табл. 3).

Но помимо этих количественных характеристик тенденций демографической ситуации, важными факторами перспективного развития являются и тенденции качественных составляющих демографических процессов – возрастные коэффициенты рождаемости, а также очередности родившихся детей.

В последние годы в качественных аспектах демографических процессов проявились благоприятные тенденции. Так, в очередности рождений увеличилась доля тех, с которыми связывается рост рождаемости. Структура родившихся за последние два десятилетия показывает, что если в 1993 г. (тогда в Беларуси было впервые зафиксировано отрицательное сальдо естественного движения) первый ребенок в структуре новорожденных был у 54,9% матерей, а второй – у 33,5%, то через 10 лет (в 2003 г., когда в Беларуси начался новый виток роста рождаемости) в структуре новорожденных 59,1% матерей имели первого ребенка, а второго – 31,1%. Правда, с 2005 г. началось сокращение удельного веса матерей, родивших первого ребенка – с 58,2 до 54,7% в 2008 г. И, соответственно, по сравнению с 2005 г. увеличилась доля матерей, родивших второго ребенка, – с 31,4 до 34,1% в 2008 г.

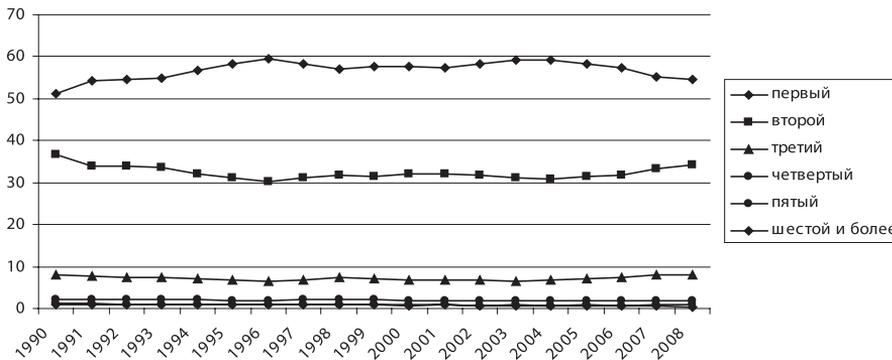
Таблиця 3

Нетто-коэффициент воспроизводства населения в Беларуси, России и Украине за 2000–2008 гг.

Годы	Беларусь	Россия	Украина
2000	0,63	0,56	0,52
2001	0,61	0,58	0,51
2002	0,59	0,61	0,54
2003	0,58	0,62	0,56
2004	0,59	0,63	0,58
2005	0,60	0,61	0,58
2006	0,61	0,61	0,62
2007	0,61	0,67	0,62
2008	0,61	0,64	0,62

Источники: [2; 5, с. 163]

Но эта тенденция не способствует даже простому воспроизводству поколений, не говоря уже о воспроизводстве в целом населения Беларуси. В целом негативные процессы в рождаемости в Беларуси не преодолены. Об этом свидетельствует ряд позиций. Во-первых, незначителен главный показатель – рождение третьего ребенка, обеспечивающего демовоспроизводство (рис. 1).

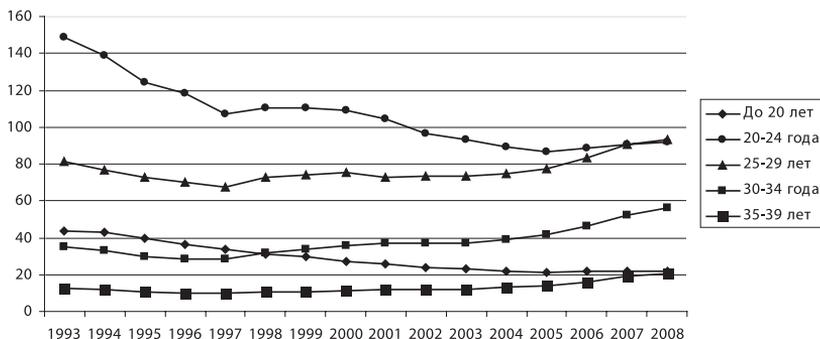
Источники: [5, с. 231]

Рис. 1. Удельный вес детей разной очередности рождений в составе новорожденных в Беларуси за 1990–2008 гг., в %

Во-вторых, не наблюдается и увеличения коэффициента рождаемости в возрасте 20–29 лет. Причем, рождаемость в возрасте 20–24 года в абсолютных величинах остается на уровне 2001 г. Так, по сравнению с 1993 годом, когда впервые в Беларуси было зафиксировано отрицательное сальдо естественного движения, рождаемость в 2008 г. в этой возрастной когорте оказалась в 1,4 раза меньше. В возрасте 25–29 лет уровень рождаемости в 2007–2008 гг. по сравнению с предыдущими двумя годами увеличился на

19,3%. Но и в этой возрастной группе, как и среди возраста 30–34 года, где ранее была наибольшая величина рождаемости третьих и последующих детей, до показателей не только восьмидесятых, но даже девяностых годов прошлого столетия – далеко.

В возрастной рождаемости последнего периода наметились новые тенденции. Если сопоставить показатель рождаемости в возрастных когортах, то в возрастной группе 20–24 года в 2003 г. он равнялся 93,3‰, а в 2008 г. составил 91,9‰, в возрасте 25–29 лет в эти периоды они уже были, соответственно, 73,1 и 93,2‰, а среди возраста 30–34 года – 37,0 и 56,0‰ (рис. 2).

Источники: [9, с. 269]

Рис. 2. Динамика уровня рождаемости женщин разных возрастных групп в Беларуси за 1993–2008 гг., в ‰

Вероятно, что этот рост рождаемости связан с «отложенной рождаемостью», т.е. откладыванием рождений первой очередности. Возрастная группа 20–24 года, на которую приходится наибольший удельный вес рождаемости, характеризуется тенденцией уменьшения величины рождаемости. В возрастной когорте 25–29 лет зафиксирован существенный рост рождаемости – 127,5%, но еще более высокий рост рождаемости наблюдается в возрастной когорте 30–34 года – 144,0%. Однако численность женщин возрастной когорты 30–34 года на 17,2% меньше возрастной группы 20–24 года. Эта «отложенная» рождаемость подтверждается прежде всего тем, что и возрастная модель рождаемости, и внебрачная рождаемость смещаются в старшие возрастные группы. Гипотезу отложенной рождаемости подтверждают и данные внебрачной рождаемости в зависимости от возраста матери. Так, в возрастной группе до 20 лет численность родившихся вне брака за последний пятилетний период уменьшилась на 19,3%, в возрасте 20–24 года – снижение на 2,0%. А в возрасте 25–29 лет этот показатель вырос на 16,2%, в возрасте 30–34 года – почти на треть (на 32,4%). Такой же рост внебрачной рождаемости приходится и на возрастную группу 35–39 лет – 31,9%. Женщин этого возраста нельзя упрекнуть в незнании последствий внебрачных связей, но существует связь роста рождаемости и внебрачной рождаемости в этих возрастах.

Следует отметить и такую особенность тенденций роста рождаемости в целом и отдельных возрастных групп, что они пришлись на период глобального финансового и экономического кризиса. Вероятно, для значительной части населения рождаемость является своеобразной формой социальной защиты – не только различными пособиями, но и юридической защиты от безработицы. Подобный вывод относится и к росту внебрачной рождаемости. Значительная величина трудовых мигрантов, в российском векторе

преимущественно мужчин, также создала в стране ситуацию недостатка потенциальных женихов. А в значительном ряде случаев и разрушения семей в Беларуси. И внебрачная рождаемость экономически "спасает" эту группу женщин.

В-третьих, для Беларуси характерно отрицательное сальдо естественного движения населения, причем общее количество родившихся в 2008 г. меньше (на 10,1 %) уровня 1993 г., когда в стране началось резкое снижение рождаемости.

И, в-четвертых, в Беларуси по-прежнему наблюдается и общее сокращение численности населения. По результатам переписи населения 14 октября 2009 г. численность населения Беларуси составила 9489 тыс. чел.

Видимо, не совсем правомерно начавшийся в 2003 г. рост рождаемости в Беларуси связывать только с активной демографической политикой белорусского государства. В РФ рост рождаемости начался раньше — в 2001 г., когда еще не действовали новые материальные стимулы. В Украине этот рост начался тоже раньше, чем в Беларуси — в 2002 г. Причем начавшийся прирост рождаемости в Украине и в России имел более высокие показатели, чем в Беларуси.

Для современного молодого поколения меры, стимулирующие рождаемость, уже не играют такой значительной роли — наблюдается своеобразный эффект затухания стимулов. Стимулирующая государственная демографическая политика дает свой эффект на первых порах. Затем эти стимулы перестают работать. Это требует постоянного обновления мер демографической политики.

Вместе с тем существует ряд проблем, негативно сказывающихся на демографическом развитии регионов Беларуси, а значит, и страны в целом. Таким явлением стало нарушение в возрастной структуре миграционного движения населения Беларуси половозрастной эластичности: Беларусь преимущественно покидает молодое население. Так, по итогам международного миграционного обмена Беларуси за 2006–2008 гг., имея в целом положительное сальдо миграции, в возрастной когорте 25–29 лет Беларусь имеет отрицательное сальдо миграции (минус 526 чел.). Причем среди женского населения в возрастной группе 25–29 лет, т.е. потенциальных невест и матерей, отрицательное сальдо миграции составило минус 493 чел. В результате: во-первых, уменьшается демографический потенциал Беларуси; во-вторых, возрастает трудовая нагрузка на трудоспособное население, а значит — и на социальную сферу. Запад, который также столкнулся с депопуляционными процессами, свою депопуляцию стремится преодолеть путем переманивания демографического потенциала (невест) из Беларуси, Украины и России. А в восточнославянском мире депопуляция только обострится.

Если в предвоенные и первые послевоенные годы еще сохранялась ориентация на трех–четырёхдетную семью, то уже в 50-х и особенно 60-х годах прошлого столетия обычной стала установка на двухдетную семью. Нынешняя семья, как правило, имеет одного–двух детей. В результате за последние полвека белорусская семья уже не ориентируется на воспроизводство поколений. Такая тенденция характерна и для других славянских постсоветских стран [1; 6].

Из этой тенденции возникает множество непростых вопросов. Какие последствия для Беларуси такой демографической ориентации населения? Что нового они вносят в социальные механизмы? Как это отразится на взаимодействии социальных подсистем? Эти и другие вопросы в совокупности с теми социально-экономическими процессами, которые происходят в стране, а также в сочетании с глобальными тенденциями свидетельствуют о том, что в демографических процессах происходят серьезные и большие изменения.

Современные тенденции демографических процессов связаны с репродуктивным поведением и репродуктивными установками населения. А так как наибольшие размеры рождаемости приходятся на молодежь, то естественно надо учитывать их репродуктивное поведение и репродуктивные установки. Для молодежи характерно одновременное совмещение многих жизненно важных функций — социализации, образовательной подготовки, экономической деятельности и на профессиональном поприще. Итог их действия сказывается на формировании семейных отношений, создании или не создании семьи. Эти объективные экономические и социальные предпосылки отражаются на преобразовании и современной индустриальной нуклеарной семьи, а следовательно, появление новых тенденций и новых форм семейно-бытовых отношений. Эта долговременная социокультурная тенденция изменения семьи характеризуется откладыванием деторождений с изменением ориентации — в первую очередь, связанную с желанием реализовать себя на профессиональном поприще. И как следствие такой ориентации — уменьшение размера семьи и упрощение ее структуры, что и отражает процесс малодетности.

Вместе с тем, несмотря на коренные социокультурные перемены, семья в иерархии ценностных ориентаций молодежи по-прежнему занимает ведущее место. Социологические исследования показывают, что ценностные семейные ориентации находятся на первом месте. Но в каждой социальной группе они имеют свое, отличное от иных социальных общностей содержание. Для молодежи любовь и брак по-прежнему являются одними из главных жизненных ценностей. Внесенные трансформацией социокультурных норм и традиций изменения проявляются в снижении степени влияния старшего поколения на формирование у молодежи представлений о семейных ценностях. При этом для современной молодежи семья и брак является не столько традиционным социальным институтом, сколько союзом индивидов. Их главное назначение — межличностное общение заинтересованных в близости людей, совместное решение жизненных проблем, проведение свободного времени, получение удовольствия от разнообразных и, прежде всего, сексуальных форм общения.

Для современных брачно-семейных отношений на протяжении многих десятилетий характерны: невысокая стабильность молодых семей; повышенная конфликтность и рост разводов; увеличение доли неполных семей. И как следствие — относительное ослабление института семьи: легкость разводов, более позднее вступление в брак, увеличение доли лиц, никогда не состоящих в браке, либерализация половой морали. И их итог сказывается на главной составляющей демографического развития страны — рождаемости.

В демографическом плане социокультурные изменения объективно ориентируют на малодетную семью, не обеспечивающую процесса демографического воспроизводства. Как свидетельствуют данные проведенного в Беларуси мониторингового социологического исследования (по репрезентативной территориальной и возрастной выборке в 2008 г. опросом было охвачено 964 чел., в 2009 г. — 1043 чел.), сложившийся малодетный тип семьи воспроизводит эти малодетные ориентации. Хотя респонденты по-прежнему считают своими жизненными ценностями семейные ценности, но при этом почти половина опрошенных в 2008 г. (47,3%) имеет только одного ребенка, еще пятая часть (21,2%) — по двое детей, почти столько же (23,2%) не имеют совместных детей, хотя у многих есть дети от других браков. А трое и более детей (это основа демографического воспроизводства) имеет только 5,1% опрошенных.

Ответы на вопрос: «Сколько детей Вам хотелось бы иметь, если бы Вам были созданы все необходимые для Вашей жизни условия?» дали следующую картину: в 2008 г. только одного ребенка в этом случае хотели бы иметь 9,5% респонденток, двух — 50,4%, трех — 26,5%, четверых и более — 6,4% (ни одного — 2,5%). В 2009 г., соответственно,

только одного ребенка в этом случае хотели бы иметь 7,5 % респонденток, двух — 53,8 %, трех — 27,2 %, четверых и более — 4,5 %. Изменения в лучшую сторону есть, однако они не обеспечивают простое демовоспроизводство данного поколения. И это при условии, если матерям будет создано все необходимое для их жизни. Хотя материальные стимулы и значимы в антидепопуляционной политике, но решающими являются ценностные стимулы в выработке среди молодежи потребности в 3-м—4-м ребенке. Культ детей сегодня в средствах массовой информации и политике не является ведущим. В Беларуси, как и в других постсоветских государствах, по сравнению, к примеру, с Францией, США, Швецией, нет фактов, характеризующих активную политическую деятельность многодетных матерей. Так, на последних президентских выборах во Франции конкуренцию (и сильную) нынешнему президенту Франции составила многодетная мать социалистка Сеголен Руаль. В США в борьбе за пост вице-президента конкурировала также многодетная мать — губернатор Аляски Сара Пэйлин.

На постсоветском пространстве в отношении понимания сути демографических тенденций сложилось два направления. Одно связано с анализом степени соответствия демографических процессов концепции демографического перехода (А.Г. Вишнеvский [3] versus А.И. Антонов [1], М.А. Клугт). Второе касается характеристики института семьи и его связи с демографическими тенденциями — это концепции «модернизации семьи» (А.Г. Вишнеvский и его коллеги по ВШЭ) и «кризиса семьи» (А.И. Антонов и его коллеги по МГУ). Хотя в основном позиции сторонников и противников понимания причин трансформации семейно-демографических процессов сходны, существенные лишь расхождения в их оценке: «Позитивны они или негативны?», «Носят ли они необратимый характер или на них возможно воздействовать?», «Какой должна быть (и должна ли быть) политика на демографическом поприще?». Но эти расхождения — фундаментальные.

Сторонники концепции «кризиса семьи» также признают объективный, глобальный и долговременный характер происходящих сложных современных семейно-демографических процессов, но оценивают их как тайминговый этап демографического развития. Однако надеяться на спонтанное изменение этих процессов в лучшую сторону не приходится.

Принятие за основу той или иной демографической концепции определяет активный или пассивный характер демографической политики. Концепция «модернизации семьи» исходит из того, что все идет в нормальном русле, а значит, ведет к пассивной, созерцательной политике государства в демографическом развитии страны, распространению однополых браков. Концепция «кризиса семьи» определяет активную демографическую политику государства в отношении связи «общество—семья» и «семья—общество».

Демографические проблемы носят системный характер, и их решение требует системности. Современная демографическая политика требует обеспечения устойчивого развития, в котором наблюдается разумный баланс роста населения и экономического развития. Наиболее сложной и неоднозначной является проблема регулирования рождаемости. Для одних стран регулировать — значит снизить рождаемость, для других — ее повышать. В сфере регулирования рождаемости пронаталистская политика страны имеет целью воздействовать на реализацию потребности в детях на личностном уровне и на формирование потребности в таком количестве детей, которое соответствует ее национальным интересам.

Исходя из концепции устойчивого развития страны, требующей учета разумного баланса роста населения и экономических ресурсов, Беларусь имеет объективные условия политики по стимулированию роста рождаемости. Во-первых, Беларусь среди европейских государств характеризуется самой низкой плотностью населения, и проблема пере-

населения здесь не стоит и в ближайшие столетия не будет стоять. Во-вторых, Беларусь относится к той группе европейских (прежде всего постсоветских) государств (наряду с Украиной и Россией), где сложилось постоянное отрицательное сальдо естественного движения населения, которого многие западные государства уже не имеют. В Беларуси переход от режима расширенного воспроизводства поколений к режиму суженного воспроизводства, в отличие от стран Запада, произошел очень резко, вследствие чего население Беларуси не воспроизводится уже третье десятилетие. И, в-третьих, Беларусь имеет такой мощный природный и экономический потенциал, как земельные и водные ресурсы. Как отмечает сторонник режима сокращения населения А.Г. Вишневецкий, пахотные земли и пресная вода — фундаментальные факторы, на ограниченность которых наталкивается рост населения [3, т. 2, с. 356–360]. Но в Беларуси указанные природные ресурсы не являются факторами, требующими проведения политики сдерживания рождаемости. А обеспеченность питьевой водой является важнейшей характеристикой, используемой ЮНЕСКО при анализе уровня устойчивости развития и человеческого развития. Этот потенциал в Беларуси не вступает в противоречие с возможностью роста численности населения, а также наличными и перспективными экономическими ресурсами.

Выводы. После принятия в 2002 г. Закона Республики Беларусь «О демографической безопасности в Республике Беларусь» в стране отмечен рост рождаемости. Однако демографическая ситуация в Беларуси по-прежнему характеризуется отрицательным сальдо естественного движения населения. Продолжается и сокращение общей численности населения Беларуси, хотя в последние годы темпы и размеры этого сокращения уменьшились. Это свидетельствует о том, что в целом негативные процессы в рождаемости в Беларуси не преодолены. А всплеск рождаемости является результатом вступления в активный репродуктивный возраст поколения, родившегося в начале 80-х годов прошлого столетия.

Объективные экономические и социальные предпосылки отражаются на преобразовании и современной индустриальной нуклеарной семьи, а следовательно, появлении новых тенденций и новых форм семейно-бытовых отношений. Эта долговременная социокультурная тенденция изменения семьи характеризуется уменьшением ее размера и упрощением структуры, одним из факторов которых является процесс малодетности. В итоге современные демографические процессы не обеспечивают режима простого демовоспроизводства.

Материальные стимулы по-прежнему значимы в антидепопуляционной политике, но в социологическом плане решающими выступают ценностные стимулы, среди которых ведущей является выработка потребности в 3-м–4-м ребенке. Для современного демографического потенциала стимулирующие пронаталистские меры характеризуются своеобразным эффектом их затухания. Пронаталистская политика дает свой эффект на первых порах. Но затем эти стимулы перестают работать, если не обновляются и не дополняются. А это требует постоянного совершенствования государственной демографической политики.

Источники

1. Антонов А.И. Динамика населения России в XXI веке и приоритеты демографической политики / А.И. Антонов, В.А. Борисов. — М.: Ключ-С, 2006. — 192 с.
2. Демографические показатели по 15 независимым государствам // Демоскоп Weekly. — 2009. — № 403–404 (21–31 декабря) // www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_bir.php

3. Вишнеvский А.Г. Избранные демографические труды: В 2 т. / А.Г. Вишнеvский. — М.: Наука, 2005; Т. 1. Демографическая теория и демографическая история. — 2005. — 368 с.; Т. 2. Экономическая демография. Анализ демографических процессов. — 2005. — 381 с.

4. Карлсон А. Общество — Семья — Личность: Социальный кризис Америки. Альтернативный социологический подход / Перевод с английского под ред. профессора А.И. Антонова. — М.: 2003. — 288 с.

5. Население Республики Беларусь. Статистический сборник. — Минск.: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2009. — 463 с.

6. Синельников А.Б. Трансформация семьи и развитие общества: Учеб. пособие / А.Б. Синельников. — М.: КДУ, 2008. — 320 с.

Анотація. Розглядається динаміка моделі народжуваності Білорусі на початку ХХІ сторіччя. Аналізуються структурні зміни народжуваності, тенденції народжуваності у розрізі основних вікових груп. Розкривається взаємозв'язок демографічних процесів Білорусі і активної державної демографічної політики. Прослідковується вплив сучасних демографічних концепцій та формування демографічної політики.

Аннотация. Рассматривается динамика модели рождаемости Беларуси в начале ХХІ столетия. Анализируются структурные изменения рождаемости, тенденции рождаемости в разрезе основных возрастных групп. Раскрывается взаимосвязь демографических процессов Беларуси и активной государственной демографической политики. Прослеживается влияние современных демографических концепций на формирование демографической политики.

Summary. Trends of the development of demographic situation in Belarus are characterized, which is so far has negative saldo of natural population growth. The dynamic of a model of birth in Belarus at the beginning of the 21-st century is investigated. Trends of reproductive behavior in Belarus, Ukraine and Russia are compared. The changes in the birth structure are analyzed. The analysis of the birth trends which corresponded to main age groups is given. It is noted, that growth of birth and new trends of reproductive behavior of some age groups have been occurred in the period of the global financial and economic crisis. The interconnection of demographic processes and active state demographic policy is discovered. The results of a sociological investigation in the framework of the regional demographic monitoring are given. The influence of modern demographic concepts on the formation of demographic policy is followed. The concepts of “family modernization” and “family crisis” are outlined.

Ключові слова: моделі народжуваності; тенденції у репродуктивній поведінці; пронаталістська політика; соціологічні дослідження демографічних процесів; демографічні концепції; «модернізація сім'ї»; «криза сім'ї».

Ключевые слова: модели рождаемости; тенденции в репродуктивном поведении; пронаталістская политика; социологические исследования демографических процессов; демографические концепции; «модернизация семьи»; «кризис семьи».

Key words: models of birth; trends of reproductive behavior; prenatal policy; sociological investigation of demographic processes; demographic concepts; “modernization of family”; “crisis of family”.

Стаття надійшла до редакції журналу 16.11.2009 р.